

слуги своего государя”, а проводит собственную политику. В Государственном совете один за другим стали проваливаться его проекты, уже утвержденные Думой. По свидетельству А.И.Гучкова, складывалось впечатление, что Столыпин обложили со всех сторон. Враждебность к нему проявляла придворная камарилья, почувствовавшая свою ненужность новому режиму, создаваемому премьером. Резко отрицательно относились к Столыпину отставные бюрократы, составлявшие большую часть Государственного совета. Вдобавок Столыпин, по наблюдениям Гучкова, создал себе врагов в лице губернской бюрократической верхушки, которую он подвергал регулярным сенатским ревизиям, изобличавшим в их среде хищничество и произвол. Этот растревоженный осиный улей никогда не прощал Столыпину ни его просчетов, ни, тем более, успехов [см. Изгоев 1912: 85].

Консервативные круги — Союз объединенного дворянства, правое крыло Государственного совета, придворная камарилья — считали миссию премьера (которую они видели лишь в наведении порядка) уже выполненной и не хотели идти на реформы, подрывавшие устои самодержавия. Страх, пережитый во время революции, спровоцировал рост монархических настроений в высших кругах общества. Монархическая риторика, как уже говорилось, усилилась и в публичных выступлениях самого Столыпина, но это не укрепило его позиции в придворных кругах, откуда все чаще раздавались голоса, требовавшие ликвидации Думы и возвращения “к исконно русской форме правления” — неограниченному самодержавию. В черносотенной прессе, чутко улавливавшей настроения Двора, против Столыпина развернулась кампания политических наветов.

В этих условиях правительству и лично премьеру оказалось крайне тяжело сотрудничать одновременно и с Думой, и с высшей государственной властью Империи. В своей последней думской речи Столыпин раскрыл сложную механику принятия правительственных решений в условиях самодержавия, дополненного нарождающейся и потому особенно острой партийной борьбой в парламенте. Он подчеркнул, что серьезные законопроекты, внесенные на рассмотрение Думы, каждый раз признаются в Таврическом дворце недостаточно радикальными и подвергаются соответствующей перелицовке. Внесенные же в новом виде на утверждение Государственного совета они блокируются или отклоняются как слишком радикальные. Чтобы найти выход из тупика, правительство вынуждено постоянно обращаться к статье 87 Основных законов, а в Думу направлять малозначащие законопроекты, занимая ее так наз. вермишелью. Именно таким путем были запущены и аграрная реформа, и процесс организации земств в Западном крае.

Но и этот отработанный механизм стал давать сбои. Законодательные инициативы правительства блокировались Государственным советом при поддержке царя. Становилось все более очевидным, что император крайне тяготеет к инициативным и волевым премьером и хотел бы избавиться от него. Знаменательно, что, будучи человеком в высшей степени деликатным, Николай II не считал возможным и нужным посетить в Киеве тяжелораненого и умирающего Столыпина.

Столыпину удалось реализовать лишь малую часть того, что было им задумано. В приведенном А.С.Изгоевым [см. Изгоев 1912] длинном перечне запланированного в декларации от 6 марта 1907 г. против многих пунктов стоят пометки “не сделано”, “не реализовано”. Однако сам список и содержание намеченных реформ впечатляют.

В плане политическом бесспорная заслуга Столыпина состоит в том, что он приучил русскую общественность к думскому, парламентарному стилю государственного управления. Это признает и один из главных оппонентов Столыпина — В.А. Маклаков: “Те кто пережил это время, видели как конституция стала воспитывать и власть, и самое общество. Можно только дивиться успеху, если вспомнить, что конституция просуществовала нормально всего восемь лет (войну нельзя относить к нормальному времени). За этот восьмилетний период Россия стала экономически подниматься, общество политически об-